

Затем он вылетел оттуда со скоростью ветра, Юко последовала за ним, и в комнате остались только Линь Е и Годжо Сатору, которые уставились друг на друга во все глаза.

— Ну всё, представление окончено, опусти меня вниз, — Линь Е всё ещё восседал на столе, не имея возможности встать, и чувствовал себя немного не в своей тарелке.

Годжо Сатору снял повязку, впервые показав своё лицо во всей красе перед «новым» Линь Е, и произнёс равнодушным, но слегка вызывающим тоном:

— Что такое, неужели тебе так не хочется признавать меня своим учеником?

Линь Е перехватило дыхание.

В прошлой жизни он был тем ещё любителем красивой внешности, да и в этой, судя по всему, ничего не изменилось. Хотя ему доводилось крутиться на задворках шоу-бизнеса и повидать немало красавчиков, сейчас он всё же оказался слегка потрясён...

Главным образом из-за глаз Годжо Сатору: даже когда он не говорил и не улыбался, казалось, что это подлинная красота земного мира, а сейчас в них сквозило что-то дерзкое, нагловатое и в то же время приправленное редкой искренностью. Казалось, будто в них поместилась вся самая чистая синева океана и неба, и даже отражение его собственного тени в них оказалось словно очищено.

Линь Е совершенно некстати вспомнилась фраза из прелюдий к искусству сказителей: «Капля осеннего взгляда — и тысячи ракушек с жемчугом кажутся излишними». Тот, у кого такие глаза, вряд ли может оказаться плохим человеком... верно?

Поэтому его решимость дала трещину, и он запинкам выговорил:

— Только вот учиться сяншэну, нет, манзаю — дело очень трудное, ты к этому готов?

— Ещё бы! — заметив, что Линь Е смягчился, Годжо Сатору снова натянул повязку. — Я — человек, способный вынести любые тяготы во всём Токио.

— Эм, ну ладно.

— Я даже придумал название для нашего дуэта! — Годжо Сатору упер руки в боки, полный уверенности.

— Только не говори, что «Первые во Вселенной»?

— Конечно нет, с чего бы мне придумывать столь бессодержательное название? — Годжо Сатору покачал пальцем. — Слушай сюда, наш дуэт будет называться...

Линь Е уже предчувствовал, что это наверняка нечто такое, до чего нормальный человек додуматься не в силах.

— Учитель Десяти Тысяч Поколений!

*

Спустя три дня Линь Е решил, что их учительско-ученикам дуэт следует переименовать в «Непутёвый ученик — хуже собаки».

Когда-то он держал хаски, и нынешние тренировки с Годжо Сатору почти ничем не отличались от той дрессировки —

Говоришь одно, а у него всегда на уме своя собственная программа.

— Зачем каждый день вставать спозаранку и распеваться? Моему голосу, кажется, уже некуда развиваться.

— Я вовсе не ленюсь, просто Фэнь Мэйли приставала ко мне и заставляла с ней играть.

— Я-то спал, но мой разум продолжал чутко впитывать воспоминания.

В такие моменты Линь Е оставалось лишь пустить в ход проверенные методы дрессировки: за каждое заученное выступление Годжо Сатору получал в награду порцию сладостей, приготовленных собственными руками наставника.

В итоге за столькие дни базовые навыки манзая у Годжо Сатору и кулинарное мастерство Линь Е в деле приготовления десертов совершили грандиозный скачок. Это придало господину Танаке колоссальную уверенность, и он назначил их первое публичное выступление в качестве дуэта Учитель Десяти Тысяч Поколений ровно через неделю.

Как назло, Театр мандзай «Дайсё» как раз объявил о начале продаж билетов, а репортаж господина Маро о них двоих официально вышел в свет.

В статье основной упор делался на описание жизненного пути и чаяний обоих, а вдобавок публиковались интервью со зрителями, побывавшими на прошлых выступлениях — все они в один голос заявляли, что чувствуют невероятное обновление сил, и непременно собираются извиниться перед теми, кому причинили боль в прошлом, и стать хорошими людьми, и всё в таком духе. Создавалось стойкое впечатление, будто его пытаются представить этакой «первой

станцией на пути исправления заблудших душ».

Конечно, всё вышеперечисленное не имело особого значения, ведь в развлекательных разделах всё равно никто не вчитывается в текст.

А господин Маро, будучи старым папарацци с десятилетним стажем, прекрасно знал толк в секретах рейтингов и разместил совместные фотографии их обоих во всевозможных ракурсах на целый разворот. Если не приглядываться, можно было подумать, что это объявления о розыске пропавших без вести.

Как бы ни переживала газета «Искра» трудные времена, красавцы, а особенно красавцы с эффектом «проводника в крематорий», всё ещё были способны привлечь достаточно внимания, и не прошло и двух дней, как билеты на выступление были полностью распроданы.

*

В день выступления зал был забит до отказа, царила оживленная атмосфера.

— Подруга! Ты тоже пришла посмотреть выступление? Я притащила с собой мужа, даже не знаю, не разведётся ли он со мной после того, как всё закончится!

— А? Я вообще ничья не фанатка, просто мой бывший купил билет, вот я и пришла.

— Я раньше никогда в жизни не слышала манзай, но увидела их совместное фото и сразу пришла, они же такие красавчики!!

— Я уже подготовилась: как только досмотрю, сразу уйду в монахини, спасибо.

Господин Танака Дайшо взял на себя роль менеджера и тайком заглядывал из-за кулис на реакцию зрителей, его лицо выражало одновременно тревогу и восторг:

— Быстрее, быстрее, поживее готовьтесь! Зрители совсем не жалуют тех развлекательных артистов для разогрева, они пришли ради вас!

Он и представить не мог, что доживёт до дня некоего культурного возрождения.

Тем временем Линь Е с абсолютно безмятежным сердцем отвечивал поклоны портрету, нарисованному палочками.

По заведённому порядку перед первым выступлением полагалось выразить почтение учителю. Поскольку Линь Е угодил в мир манги и не мог найти фотографию своего наставника — то есть

собственного отца, — ему пришлось изобразить его самостоятельно в виде схематичного рисунка.

— Учитель, умоляю, благослови наше с этим непутёвым учеником выступление на успех, и особенно огради его от забывания слов, от отсебятины на сцене, от внезапных песнопений и танцев — короче говоря, пусть не творит всякой дичи, очень прошу, — с величайшим благоговением произнёс Линь Е. Завершив ритуал, он дёрнул за рукав Годжо Сатору: — Живо кланяйся тоже, это твой прадедушка!

Годжо Сатору уставился на две точки-глаза на портрете, в то время как в его голове и желудке крутилось лишь то самое мятно-бобовое мороженое, которое Линь Е приготовил накануне:

— Ой, что же делать, я проголодался.

— Линь Е-сан, ты успеешь прямо сейчас сварганить стаканчик чая с молоком? Только чтобы с таро-шариками...

Линь Е уже собрался было впервые в жизни отвечать затрешины своему непутёвому ученику, как его мысли внезапно прервал вопль господина Танаки, звучавший как протяжное «а-а-у!».

— Ого! Поглядите-ка все! Да это же господин Куникида Наохито! — господин Танака схватил Линь Е и Годжо Сатору за шкирки и подтащил к краю. — Он же самый знаменитый продюсер во всём шоу-бизнесе! Специально подписывает контракты с перспективными комиками, и из десяти лучших сейчас дуэтов манзая пятеро — его рук дело! Он наверняка прочитал репортаж и пришёл оценить вас в деле!

Господин Танака был готов рухнуть на колени вместе с обоими подопечными и тем самым прадедушкой в придачу: — Вы просто обязаны выступить безупречно! Если облажаетесь и господин Куникида внесет вас в чёрный список, моему театру тут больше вечно не подняться!

— По рукам, по рукам, — Годжо Сатору потянулся, ничуть не переживая. — Сыграем в полную силу — и никаких проблем!

<http://bllate.org/book/28989/3510708>